
Виталий КОВАЛЕВ

ЛЕТО ЛОЛИТЫ¹

Повесть

*Олесе, вдохновившей меня на написание
этой истории*

Однажды мои друзья, люди совсем иных профессий, попросили рассказать о летних практиках в годы учебы в Латвийской академии художеств. События того времени ожили в моей памяти, и я вспомнил о девочке по имени Лолита, жившей на лесном хуторе в далекой латвийской глубинке. И мне захотелось не только рассказать о художественной практике и передать атмосферу тех мест, но и рассказать о Лолите, удивительным образом связанной со всем тем, что там меня окружало. Да и как я мог рассказать о тех днях, не говоря о ней? Оказываясь в лесу или в поле, ощущая теплый летний ветер, пахнувший разогретыми на солнце травами, или идя по полю, затянутому туманом, мне всегда казалось, что она где-то рядом.

Я так часто рисовал Лолиту, реку, поля и море, что подумал: пусть все то, что я напишу, будет картиной, иногда похожей на акварель, порой на пастель или быстрый этюд маслом, но картиной не застывшей и стесненной границами рамы, а бескрайней, полной света и глубины.

Летнее утро. Я поджидаю Лолиту, сидя у каменной стены старого деревенского кладбища. Передо мной, прямо через дорогу, тает поле в густом тумане, за которым едва угадываются дымчатые верхушки елей. Небо над полем пепельно-голубое, но чем выше оно к зениту, тем пронзительнее сияет чистой синевой.

Справа от себя, на дороге, я слышу шаги. Лолита идет в соломенной шляпке, в которой я еще ни разу ее не видел, в голубом платье и белых сандалиях.

— Какая ты сегодня... нарядная! — говорю я, хотя собирался сказать — красивая, но сменил слово, подумав, что она может обидеться.

— Это что! — машет она беспечно рукой. — Ты лучше посмотри, что у меня в корзине!

Она откидывает в корзине холщовое полотенце, и я вижу пирожки, кусок сыра и еще что-то, завернутое в бумагу.

— Ничего себе!

— Это наш пикник. Тут нам на весь день хватит.

— А далеко идем? — спрашиваю я.

Виталий Васильевич Ковалев родился в 1957 году. Окончил Рижскую художественную школу имени Яна Розенталя и Латвийскую государственную академию художеств имени Теодора Залькална (отделение книжной графики). С 1981-го по 1991 год работал главным художественным редактором в издательстве «Zinatne» Академии наук Латвийской ССР. Публиковался в журналах «Eva & Adam» (Латвия), «Волга XXI век» (Саратов), «West/East» (Лос-Анджелес, Калифорния), «Приокские зори» (Тула), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Дальний Восток», «Кольцо А» (Москва) и др. Живет в г. Юрмале.

¹ Продолжение повести «Ураган „Лолита“». «Нева», 2019, № 11.

— Туда часа полтора, если не спеша. Так что бери пирожок, подкрепимся. Они с картошкой. Я их вчера испекла.

— Тогда, конечно, попробую.

Лолита садится рядом со мной у стены, и, покусывая пирожки, мы смотрим на пелену тумана, повисшую над полем и все более проступающую за ним, стену далекого леса.

— Вкусные? — спрашивает Лолита, аппетитно дыхнув на меня пирожком. — Перед этим они у меня долго не получались.

— Очень вкусно! Ты, я заметил, всегда говоришь правду.

— Это потому, что я забывчивая. Забываю то, что говорю. А когда говоришь правду, то жить очень легко. Никто не упрекнет, что сначала ты одно говоришь, а потом совсем другое.

— А куда же мы идем?

— Сам увидишь. Знаешь, есть особые места, где становится так хорошо, как будто ты пришел домой. Не туда, домой, где ты живешь, а где чувствуешь, что идти больше никуда и не надо — так хорошо вокруг тебя! Ты чувствовал когда-нибудь такое?

— Что-то похожее я чувствую, когда смотрю вверх на вершины деревьев и вижу только их и небо. Знаешь, ты уже так много интересных мест мне показала. Для смотра у меня почти все работы готовы. Ты мне очень помогла!

— Я тебе и сегодня покажу интересное место для рисования. Мне это совсем нетрудно. Я никогда не делаю того, что мне не хочется.

— Я тоже.

— Ну а раз так, то давай еще по пирожку?

— Может, лучше потом, на привале.

— Я только ничего не взяла попить, но там есть родник. О!.. Смотри, какое стадо коров сюда гонят! Пошли скорее, а то они тут сейчас такую пылицу поднимут!

Я накидываю на плечо лямку этюдника, беру у Лолиты корзину, и мы идем по проселочной дороге, чуть заметно спускающейся в низину. Оглянувшись, замечаю впереди стада пару быков, как мне кажется, очень недружелюбно на нас поглядывающих. Лолита замечает мое беспокойство и отворачивается, пряча улыбку.

— Видишь вон тот лес на холме? — показывает она рукой вдаль. — Вот туда мы идем. Но по дороге идти неинтересно. Давай свернем и пойдем вдоль реки. Там на берегу столько цветов!

Сойдя с дороги, по тропинке, петляющей среди зарослей шиповника, мы выходим к песчаному косогору и поднимаемся по разогретому солнцем склону. Здесь пригревает еще жарче, и только поднявшись на самый верх, мы чувствуем дуновение свежего речного ветра.

Оглянувшись, я вижу внизу стадо коров, бредущее по проселочной дороге. Поднявшееся солнце пригревает поле, и от утреннего тумана на нем осталась лишь тонкая пелена.

Лолита, сбегав с пологого спуска, находит тропу, едва видимую в высокой траве. В некоторых местах она достигает моего роста. В глубине трав, среди мельтешения света и тени, я вижу отсветы солнца на воде, слышу плеск и попискивание какой-то птицы.

Лолита ушла вперед по тропе, и я, стоя среди влажной духоты, насыщенной ароматом трав, слышу шелест камышей на легком ветру и писк ласточек в небе.

Но вот слышен шелест травы, раздвигаемой руками, и я вижу Лолиту. Поля шляпки бросают тень на ее бледное лицо с едва уловимой россыпью веснушек. Покусывая травинку, она насмешливо смотрит на меня.

— Ну как тебе тут? — спрашивает она. — Ты только в стороны не ступай, тут могут быть ямы. Я однажды была здесь в лунную ночь и угодила в яму.

- И тебе не было тут одной страшно?
- Нет, конечно. Разве в жизни есть что-то, чего надо бояться?
- Конечно, есть. Например, смерть.
- Ее нет.
- Как же ее нет?
- Нет, и все. Это любой ребенок знает. А ты, когда был маленький, разве не знал, что жить мы будем вечно?
- Лолита, но я ведь вижу, что она есть.
- Давай пойдем дальше, до пристани уже недалеко осталось, а ты тем временем расскажешь, где ты видишь смерть.
- Да везде...
- Везде?! — обернулась ко мне Лолита и удивленно показала вокруг себя руками. — Ты ее здесь видишь?
- Нет, не здесь. Ну хорошо, расскажу тебе... На прошлой практике мы жили в небольшом городке. Он называется Алсунга. Ты слышала о таком городе?
- Слышала, но я там никогда не была.
- Так вот, я там часто рисовал у дома, в котором жила одинокая старушка. Дом ее стоял на краю поселка, откуда открывался красивый вид на закат. Однажды она спросила меня, не могу ли я нарисовать портрет ее умершего мужа, а то зрение у нее плохое и она не может рассмотреть его на единственном фотоснимке. Она показала мне снимок. Он был маленький и очень плохого качества: побледнел, выцвел на солнце. Я сказал, что трудно сделать портрет, так как лица человека почти не видно. Потом я долго не приходил к этому дому, а к концу практики узнал, что старушка умерла. Жаль, что не смог ей помочь.
- И теперь тебе грустно, когда ты вспоминаешь об этом? — спрашивает Лолита, идя по тропе впереди меня.
- Конечно, грустно, что человек уходит и не остается о нем никакой памяти. Как будто и не было его на земле. Уверен, что о ней там никто уже не помнит, а уж тем более о человеке на фотоснимке.
- Лолита все так же идет, раздвигая руками заросли, но вдруг останавливается и, обернувшись ко мне, спрашивает:
- А тебе не грустно, что в той Алсунге и о тебе самом никто уже не помнит?
- Обо мне? — удивился я.
- Да, о тебе. Ты там был, рисовал, ходил, любовался закатами, а теперь никто там о тебе не помнит. Тебе не грустно от этого?
- Нет, конечно.
- А знаешь почему? Потому, что ты сейчас стоишь здесь, видишь солнце, чувствуешь, как ветер пахнет цветами. Конечно, чего тебе грустить.
- Но при чем здесь это?
- А при том, что душа той старушки просто ушла из Алсунги, точно так же как ушел из нее ты. И она теперь там, где небо гораздо красивее того, что над нами.
- Хорошо, если бы это было так.
- А ты в этом сомневаешься?
- Хочется в это верить, но так трудно верить в недоказуемое.
- Интересно получается! — говорит Лолита. — Доказательств того, что я сказала, нет. Но ведь и доказательств, что это не так, тоже нет. Так ведь?
- Да, — согласился я.
- Тогда получается — поровну. И остается теперь выбрать либо одно, либо другое. А выбирают люди всегда то, что им *хочется* выбрать. Верно?
- Да.

— Поэтому скажу я тебе: нет верующих и неверующих людей, а есть те, которые *хотят* верить, и есть такие люди, которые верить *не хотят*.

— Ты прямо как Сократ. Своими вопросами и моими ответами подводишь к истине. Я понимаю тебя, но говорить все это легко. А когда сам сталкиваешься с этим в жизни...

— Ты можешь мне верить.

— В тебя я точно верю, — улыбнулся я.

— Верить в меня — это слишком мало, — сказала Лолита.

Тропа заметно сузилась, я чувствую прикосновения трав к плечам и шее, отчего возникает ощущение, что меня все время кто-то касается. Я не вижу ни пристани, ни реки, но уже слышу детские голоса, плеск воды и лай собаки. Остановившись, прислушиваюсь. Гудение пчел, хлюпанье воды в глубине камышей, и еще слышно неспешное постукивание лодочного мотора. Словно очнувшись, иду дальше, стены камыша расступаются, и я выхожу на песчаный берег, залитый солнечным светом.

То, что Лолита назвала пристанью, оказалось замшелыми столбами, торчащими из воды, и досками, уложенными на них, образующими помост, на который Лолита поднялась по двум шатким доскам, оказавшись среди светловолосых мальчишек, ловящих рыбу бамбуковыми удочками. Коротконогая дворняга, сидящая возле ребят, смотрит на меня умными глазами, дружелюбно помахивает хвостом и, широко зевнув, ложится на доски.

Когда Лолита оглянулась, я показал рукой на этюдник и на нее с мальчишками, дав понять, что хочу сделать быстрый набросок. Присев на песчаный бугор, я достал коробку пастели и планшет с приколотым к нему листом бумаги.

В верхней части листа я нанес голубой, розовый, бирюзовый тона, после чего растуер их пальцами, сразу же попав в тон неба. Чуть ниже боковыми частями мелков нанес голубовато-зеленую стену леса, а мелком песчаного цвета набросал противоположный берег с прохладными тенями, после чего нанес на лист синие, зеленоватые и бурые тона реки. Яркие пятна маек у детей, их светловолосые головки и загорелые руки я нарисовал несколькими мазками.

— Как у тебя дела? — спрашивает Лолита, подбегая ко мне и садясь на песок.

— Посмотри сама.

— Похоже, — говорит она, поглядывая то на рисунок, то на реку, отражающую небо и светлые облака. — А давай я тоже порисую? Хочу сделать такой же рисунок, как у тебя.

— Конечно, рисуй, — говорю я, прикрепляя к планшету новый лист бумаги.

Лолита смотрит на реку, на детей с удочками и начинает рисовать. Некоторое время я наблюдаю за движениями ее руки, держащей мелок, и спрашиваю:

— А что ты сейчас рисуешь?

— Мальчиков с удочками.

— Но это не совсем правильно.

— А что я делаю не так?

— Твой папа тебе никогда не рассказывал, как он строил ваш дом? — спрашиваю я.

— Дом? — удивилась Лолита моему вопросу. — Его строил еще мой дедушка. Прежде всего выбрал хорошее место. Ты, кстати, заметил, что все хутора устраиваются в полях, под большими деревьями. Видел, какие огромные дубы защищают наш дом летом от солнцепека, а зимой от снегов?.. Потом он расчистил место...

— Вот! — сказал я. — Твой дедушка начал не с того, что стал делать крышу, трубу или окна. Он прежде всего расчистил место — создал пространство для своей постройки. Он сделал то же самое, что сделал Бог при создании мира. Сначала ведь было создано небо, потом светила, наша земля, потом земля была отделена от вод, появились растения, животные... И только в самом конце был создан человек. Когда мы рисуем,

на листе бумаги, тоже происходит творение мира. Ведь художника так и называют — творец. Поэтому начать надо с неба, леса, берега, нужно отделить воды от суши, и только в самом конце мы доходим до человека — рисуем детей, собаку, что сидит возле них. Поняла меня? Сначала создавай основное пространство и потом заселяй его всем, чем хочешь, двигаясь к все более мелким деталям.

— Вот как?! — удивляется Лолита. — Я и не знала, что я творец. Но как же увидеть основное? Я почему-то сразу вижу детали и мелочи.

— Художник, глядя на какой-либо пейзаж, сразу же видит главное, основное, улавливает характер этого места.

— Я так, наверно, не смогу.

— Сможешь. Вот посмотри на меня. Что ты видишь?

— Тебя.

— Правильно. Ты сразу же видишь, что это именно я, а не кто-то другой. То есть видишь меня сразу целиком. И только потом ты можешь рассмотреть, во что я одет, какое у меня настроение, какого цвета глаза и так далее. Так и во всем, надо от общего идти к более мелкому.

— Надо потренироваться, — говорит Лолита. — Ты меня потренируй, чтобы я тоже научилась видеть главное.

— Хорошо, как-нибудь потренируемся.

— А вот если ты залезешь на то дерево, — говорит Лолита, глядя за мое плечо, — то сможешь сверху увидеть всю реку. Ты когда-нибудь рисовал, сидя на дереве?

Я оглянулся и увидел на песчаном взгорке сосну с довольно удобными для лазания ветвями, начинавшимися в метре от земли.

— Сейчас посмотрю, что сверху видно.

Лезть на сосну было легко, единственно, что мешало — потеки смолы на ветвях. Я понюхал испачканную смолой ладонь, закрыл глаза и очень резко, как укол холодной колодезной воды, когда пьешь ее в поле в полдень, почувствовал, как остановилось время, как солнечное тепло пригревает лицо и чуть кольшет волосы теплый ветер.

Устроившись на развилке сосны, я смотрю на сверкающую реку, вижу, как она тает вдали в жарком солнечном мареве, среди полей с далекой голубой полоской леса на горизонте.

— Посмотри! — показывает Лолита на небо. — Видишь ту маленькую точку? Это ястреб. Летает кругами, высматривает добычу.

Я вижу ястреба, детей, на мостках и Лолиту. Она гладит дворняжку, которая подбежала к ней и села рядом.

— А помнишь, — Лолита смотрит на меня вверх, прикрывая ладонью глаза от солнечного света, — как ты на дереве читал мне стихотворение? Я твою книгу со стихами храню и часто читаю. Ее хорошо читать, когда идет дождь! Или поздно вечером, когда уже темно, а окно открыто и задувает в комнату ночной ветер... А если лунной ночью выглянуть в окно, можно увидеть, как качаются папоротники, а за ними лес и темнота.

— То, что ты говоришь, тоже как стихи.

— А есть стихотворение, в котором все так, как сейчас?

— Как сейчас? — раздумываю я, пытаюсь припомнить что-нибудь подходящее. — Вот, Лолита, есть стихотворение. Оно вон про того ястреба.

Лолита сидит все так же, прикрывая глаза от солнечного света, а я читаю ей с дерева:

В палящий зной над полем спящим,
Свободен, смел и одинок,
Парю я в воздухе горящем,
В пушистый сжавшийся комок,

Парю свободно, без усилия.
Немеет полдень. Поле спит.
Поджаты когти, веют крылья,
Горячий клюв полураскрыт.

Порой в избытке опьянения,
Поникнув хищной головой,
Я криком острым на мгновенье
Прорежу утомленный зной.

И снова тишь и полдень жгучий
В одну сливаются мечту.
Парю я, гордый и могучий,
Ловя мгновенья на лету.

- А это чье стихотворение? Тоже Роберта Фроста? — спрашивает Лолита.
- Нет, это Борис Садовской. Этого поэта мало кто знает.
- А ты слышал, как кричит ястреб?
- Нет.
- Этот поэт очень правильно описал. Ястреб кричит, как будто чем-то острым скребешь по железу или стеклу. И ты сейчас на этом дереве тоже как ястреб, — засмеялась Лолита. Высматриваешь — что бы еще нарисовать.
- Пока хватит. Один этюд я уже набросал.
- Как смешно ты говоришь — набросал.
- Ничего смешного. Есть же слово — набросок. Это как раз то, что художник набрасывает на бумаге.
- Подожди, — говорит Лолита, заметив, что я решил спускаться. — Видишь, вон там, за камышами, река образует большую заводь? Она похожа на залив, заходящий в берег.
- Вижу.
- Эта заводь глубокая, там метров десять глубины. Так вот, представь себе, я очень часто гуляла по дну этой заводи.
- Как же это тебе удалось?
- Очень просто. Там раньше не было никакой заводи, был просто берег. Но однажды появились машины, экскаваторы, и там стали брать песок. Получился огромный песчаный карьер. По вечерам, когда никто не работал, я спускалась в него и гуляла, представляя, что я на дне лунного кратера. Тишина там была особенная, неземная. Очень хотелось мне туда прийти лунной ночью, но не успела. Полоску берега, что отделяла карьер от реки, разрыли, все затопило, и образовалась глубокая заводь. Там сейчас линей ловят. Вот так и получилось, что я гуляла там по дну.
- Надо же, как все просто!
- А вот еще могу рассказать. Хочешь?
- Конечно, расскажи. Мне нравятся твои истории.
- Однажды на дне того песчаного карьера я нашла кусок голубого природного стекла. Он был размером с грушу и такой красивый, переливающийся на свету, что зачаровывал меня и даже усыплял! Я решила, что он будет моим талисманом, и всегда носила с собой. Но однажды я обронила его где-то тут в траве, а обнаружила это только дома, поздно вечером. Было уже совсем темно, но это же талисман. Вот и пошла я сюда по той же самой тропе, по которой мы шли сегодня с тобой. Ночь была лунная, но я все равно едва видела, куда иду. И даже провалилась в яму.

- А это тогда ты здесь была? Ну а талисман ты нашла?
- Нет. Я очень расстроилась, но мой друг Однорук успокоил меня. Он сказал, что настоящей ценностью может быть только то, что ты никогда не потеряешь, и то, что никто у тебя не сможет отнять.
- Интересно! — сказал я, садясь рядом с ней, заметив, что пес опасливо взглянул на меня из-под ее руки. — А кто это — Однорук?
- Один мой друг. Может быть, мы сегодня его встретим... А видишь под деревом муравейник?
- Еще бы! Я весь в муравьях. И по шее, кажется, что-то ползает.
- Ну, так слушай, — начала Лолита, смахивая муравья с моей шеи. — Однажды я пришла сюда ранней весной и вижу, что на середине муравейника лежит веточка. Она вроде бы и небольшая, но мне показалось, что для муравьев она слишком тяжелая. А они так работают, стараются, все ямки, что за зиму появились, заделывают. И решила я помочь муравьям, взяла палку и скинула ветку на край муравейника. Что-бы она не мешала им. А когда через несколько дней снова сюда пришла, увидела эту веточку не там, куда я ее скинула, а снова на середине муравейника. Представляешь, муравьи вернули ее назад!
- Может, это была уже другая ветка?
- Нет, я хорошо ее запомнила. И не было ее уже на краю муравейника.
- И ты всерьез думаешь, что муравьи вернули ее на место?
- Да! — многозначительно произнесла Лолита. — Они вернули ее назад, потому что этой веточке *нужно* лежать там, куда она упала с дерева. Убрав ее с этого места, я нарушила что-то очень важное. Конечно же, я рассказала об этом своим подругам, но они только посмеялись надо мной. А одна девочка предложила снова скинуть ветку и проверить, вернут ли ее муравьи назад. Я не дала ей этого сделать. С этим шутить нельзя. Если опять скинуть ветку, то... и нас самих могут *скинуть*. Да-да, не смейся. Если сверху на нас посмотреть — те же самые муравьи.
- Но ведь только что ты рассказывала, что у реки вырыли целый карьер. А потом еще и затопили его водой. Представляешь, сколько там было таких же точно веток! И никого никуда за это не скинули.
- Откуда ты знаешь? А если сейчас и не скинули, то могут потом это сделать. И сразу за все.
- Все равно не понимаю, что в мире может измениться от одной ветки?
- Я, например, могу измениться. Ведь раньше я никогда о таком не задумывалась. А теперь начала понимать, что от любого нашего поступка в жизни что-то меняется.
- Пожалуй, так и есть.
- Ты вот обрати внимание на те мелочи, что случаются с нами в жизни. Такие ли это мелочи? Иногда я даже чувствую, как за мной наблюдают и смотрят — что я делаю, как поступаю. Нет, все, что мы делаем, все наши слова, а может, и мысли совсем не пустяки.
- Все еще раздумывая над словами Лолиты, я собрал свои вещи, закинул на плечо лямку этюдника, и мы идем дальше по тропе среди двух стен высоких трав. Старая пристань осталась позади, стихли голоса мальчишек, и не слышен больше лай собаки.
- Лолита идет впереди меня, покусывая травинку. Иногда она останавливается, вглядывается в глубину трав, присматривается к какому-нибудь цветку.
- Кстати, — вспомнил я, — а что потом стало с той веткой на муравейнике? Так и осталась лежать сверху?
- Нет. Муравьи ее засыпали мелкой хвоей, и она оказалась в глубине муравейника. Так они поступают со всем, что падает на них сверху. Однорук объяснил мне, что

это укрепляет муравейник. — Лолита чуть помолчала, все так же идя впереди меня, и вдруг говорит: — Наверное, стихи есть обо всем на свете. А вот, интересно, есть рассказ, в котором описан такой же летний день, как сейчас, и где два человека, как мы с тобой, идут по дороге, разговаривают, видят вокруг себя всякое разное?

— Конечно, есть такие рассказы.

— Ты знаешь хоть один?

— Например, рассказ Аркадия Гайдара «Голубая чашка». Там все точно так же, как у нас с тобой. Только там отец с дочкой идут по дороге, смотрят по сторонам и видят, как ты сказала, всякое разное. Кстати, Аркадий Гайдар считал, что этот рассказ, в котором, казалось бы, ничего особенного не происходит, у него один из самых лучших. Мне он тоже очень нравится. Наверное, и про нас с тобой можно было бы написать рассказ.

— Да, про нас с тобой получился бы очень хороший рассказ. А еще есть что-нибудь?

— Еще есть повесть Чехова «Степь». Там про мальчика, которого везут в тарантасе по степи. И тоже ничего особенного в этой повести не происходит. Там все точно так же, как и вокруг нас с тобой: летний день, травы до горизонта, облака, стрекозы, жара, речка... Но как это хорошо у Чехова описано! Читаешь и чувствуешь, что ничего нет лучше, как ехать в летний день по степи, лежать на траве в тени телеги, купаться в речке, варить уху на костре из рыбы и раков, пить воду из колодца, а вечером засыпать, глядя на звезды. Да... Много есть и рассказов, и стихов таких же чудесных, как этот летний день.

Лолита остановилась, поджидая меня, а когда я подошел, увидел, что она осматривается вокруг себя.

— Где-то здесь была тропинка, но уже заросла. Знаешь, теперь нам надо подниматься наверх, — говорила Лолита. — Дальше дороги нет, там очень топко.

Пробравшись сквозь заросли, мы выходим к песчаному холму, поросшему соснами, а когда по осыпающемуся песку поднялись наверх, то оказались в долгожданной тени. Отсюда, с высоты, река была нам видна во всю свою ширь.

Лолита сняла босоножки и идет босиком рядом со мной. Я замечаю, как она покачивает головой слева направо, и догадываюсь, что снова задумалась над чем-то. Я хорошо узнал ее за это время.

— О чем думаешь? — спрашиваю я.

— О том, что вокруг нас много тайн и загадок. Но мы не замечаем их, потому что они прячутся от нас и кажутся чем-то обычным и даже пустяковым. Но я часто замечаю загадочные вещи.

— Какие?

— А ты разве ничего не замечаешь?.. Да вон впереди я уже вижу... Давай пройдем еще немного и посмотрим, заметишь ты или нет. Ты просто иди впереди меня.

Я иду по тропе, слышу позади себя шаги Лолиты и пытаюсь догадаться: что она увидела? Справа от нас крутой спуск к реке, слева сосновый лес, а впереди, прямо посреди тропы, по которой мы идем, растет большой куст калины. В этом месте тропа раздваивается, огибая куст с обеих сторон. Я приближаюсь к кусту, обхожу его, присматриваясь к ветвям, но ничего особенного не вижу. Мне кажется, что именно на этот куст смотрела Лолита, когда заметила что-то необычное. Но вот куст позади, и дорожка, которую он разделил, снова слилась в единую тропу.

— Ну что? — оглядываюсь я на Лолиту. — Мы уже прошли это место?

— Да, прошли. И ты ничего не заметил?

— Ничего особенного.

— Вот так и все мы! Проходим и ничего не видим.

— А что я должен был увидеть?

— Какой ты быстренький! Так тебе все сразу и раскрой. Ты сам попробуй догадаться, а если не сможешь, то я потом расскажу, что там было.

— Хорошо, только не забудь.

— А ты мне напомни.

— Если сам не забуду.

— Ладно, я напомню тебе, чтобы ты мне напомнил.

— Лолита, а я тебе тоже могу кое-что интересное рассказать. Слышишь, как шумят над нами сосны? Я в жизни очень часто слышал этот звук, но не придавал ему особого значения. А однажды я стал читать книгу «По ком звонит колокол». Ее написал Эрнест Хемингуэй. Есть такой очень хороший писатель. И вот в самом начале его книги главный герой лежит на опушке леса и слышит, как шумят сосны. Я прочитал это место, и, странное дело, шум сосен, описанный в книге, запал мне в душу. И вот однажды я оказался в лесу и услышал описанный Хемингуэем шум леса. И только теперь, после того, как я прочитал об этом в книге, я почувствовал то пронзительное чувство, которое слышится в шуме сосновых вершин. Получается, что книга раскрыла мне это.

— То, что описано в книгах, это то же самое, что есть в жизни, — заметила Лолита. — А то, что есть в жизни, это же самое, что в книгах.

— В общем-то, да, — соглашаюсь я, не совсем еще понимая, куда она клонит.

— А значит, жизнь и книги — это как два зеркала, повернутые друг к другу.

— У тебя очень неожиданные выводы. Но тогда смотри, если эти два зеркала повернуты друг к другу, то где находится то, что они отражают?

— Не знаю. Но мы с тобой точно идем сейчас не только в жизни, но и по странице какой-то Книги. Мой знакомый лесник, тот самый Однорук, так и говорит — Книга жизни. И еще он говорит, что в начале было Слово. Теперь я начинаю это понимать. Видишь, когда-то ничего еще не существовало. Ты можешь себе представить, что ничего не существует?

— Это что-то вроде бесконечной пустоты.

— Да нет же! И пустоты тоже нет! Понимаешь? Нет ни-че-го... И вот когда ничего еще не существовало, то Слово уже было. Значит, весь наш мир — это Книга размером во всю Вселенную. И эта Книга все время пишется. Сейчас мы с тобой на ее странице. Эх, как это интересно! Прямо сейчас мы с тобой пишем Книгу жизни! Тогда получается, что и веточка, упавшая на муравейник, пишет ее. И каждый человек, и птица, и жук, пчела... В одну сторону мы пойдем — будет одна история, пойдем в другую — будет другая история. И все, что мы делаем, все, что мы говорим сейчас с тобой, все это сразу же появляется в той, самой главной Книге. А читает эту книгу Бог. Конечно!.. Кто же еще!.. А значит, сейчас он нас слышит и видит. И слышит то, что я говорю тебе. Наверное, он сейчас улыбнулся. Представляешь, как это здорово! Прямо сейчас мы можем ему что-нибудь сказать, и он нас услышит. Давай?

— Ну, Лолита, с тобой не соскучишься.

— Если не хочешь ничего говорить, давай просто помашем ему рукой. Покажем, что мы знаем о нем и нам очень нравится, как он тут все устроил. Я имею в виду природу. А люди, конечно, очень многое испортили, намусорили и наломали. Но ничего. Он придет и все исправит. Что ты смеешься?

— Лолита, после твоих слов мне и вправду кажется, что на нас кто-то смотрит. Хорошо, давай помашем.

И подняв руки, мы машем в синеву, туда, где шумят вершины сосен и высоко-высоко парит темная птица — наверное, тот самый ястреб.

Только теперь я заметил, что тропа шла на подъем, так как за расступившимися деревьями с еще большей высоты видны река, широкое поле на другом берегу и далекая дымчато-голубая стена леса.

— Правда здорово вот так стоять и смотреть вдаль? — говорит Лолита.

На противоположном берегу реки, из-за камышей выдвигается нос черной лодки, виден взмах длинного удилица, и до нас доносится шлепок поплавок по поверхности воды — так далеко разносятся по реке звуки. Ветер колышет выбившиеся из-под шляпки рыжие волосы Лолиты, и слышны над рекой жалобные крики чаек.

— Теперь мы пойдем через лес, — трогает меня за рукав Лолита.

Сойдя с песчаной дорожки, мы заходим в лес. Сосны редуют, и постепенно лес становится еловым. Чем глубже мы заходим в лес, тем выше ели. Сыро, душно, неподвижный воздух густо насыщен запахами грибов и мха.

— И часто ты сюда ходишь? — спрашиваю я.

— Да, с братом. Он в том месте, куда мы идем, ловит карасей. Там у нас и укрытие есть от дождя и старые удочки. Если захочешь, можно наловить рыбы и запечь ее на углях. Вот только соли у нас там нет. Но ничего, в лесу ее много.

— Откуда здесь соль? — удивился я.

— Сейчас покажу.

— Какая ты сегодня загадочная!..

— А ты хотел бы, чтобы я была отгадочная? — смеется Лолита. — Смотри, вон впереди целая куча соли.

Между елей я вижу некое подобие шалаша, сложенного из ветвей с наваленным на них сеном, а снизу лежат большие куски чего-то очень похожего на желтоватую слюду.

— Это что, соль? — спрашиваю я.

— Да. Лесник подкладывает ее для лосей и косуль. Соль нужна им для крепости рогов и многого другого... А вот этот кусочек я возьму с собой, — Лолита нагибается и поднимает кусок соли размером с кулак. — Ее можно растереть на камнях. Видал когда-нибудь столько соли? Эх, жаль, что черника сошла, а то я набрала бы ягод. Там в нашем сарайчике и котелок есть. Можно на костре чай из мяты сварить. Там ее много.

Вокруг нас тишина, птиц не слышно в этом лесу. Только лишь ветка порой хрустнет под ногой да послышится то ли шорох, то ли какое-то таинственное дыхание из глубины леса.

Кое-где сквозь ветви пробиваются солнечные лучи, в их свете роится золотая мошкара. Она медленно летает и совершенно нас не боится. Может, эти крохотные мошки никогда не видели людей?

Так же, как и Лолита, проходя сквозь солнечные лучи, полные золотого роя, я не делаю резких движений — не хочется пугать эти крохотные существа.

— Смотри, что тут есть, — говорит Лолита. — К каждому дереву прикреплены железные конусы. Видишь, над ними на стволах прочерчены борозды? По ним в эти конусы стекает смола.

Присмотревшись, я действительно вижу на стволах елей воронкообразные конусы, полные смолы. Кое-где она переливается через край и стекает по стволам янтарными потеками.

— А зачем ее собирают?

— Я сегодня как экскурсовод, — смеется Лолита. — А что, я могла бы водить экскурсии по лесу. Товарищи, сказала бы я, обратите внимание на еловую смолу. Ее собирают, потому что она необходима для изготовления скипидара. Если среди вас есть художники, то они должны знать, что это такое, потому что пользуются скипидаром, когда рисуют масляными красками. Ну, как тебе моя экскурсия?

— Ты действительно все тут знаешь. Расскажи еще что-нибудь.

— А вот тут, товарищи, под этой елкой вы видите целую гору веток. Может быть, вы думаете, что эти ветки сложили для костра? Вы ошибаетесь. На самом деле лесник делает это для муравьев, чтобы они на этом месте могли устроить муравейник. Муравьи очень любят делать муравейники на таких заготовках.

— Потрясающе! Столько уже узнал от тебя!
— И еще многое узнаешь. Этот лесник наш сосед, он много чего мне рассказывает. Он хороший, добрый человек и, между прочим, без одной руки. Поэтому про себя я зову его — Однорук. Но это не обидное слово. Он и одной рукой, знаешь, как работает!

— Это тот самый лесник, что про Книгу жизни тебе рассказывал?

— А какой же еще? Он у нас здесь только один. Обычно по вечерам, когда я прохожу мимо и вижу, что он сидит возле своего дома и пьет пиво, я захожу к нему. Он всегда угощает меня то клубникой, то вишнями, хотя все это есть и в нашем саду. А главное, он рассказывает много интересного. Рассказывает, зачем лоси едят мухоморы и как родник с чистой водой отличить от ручья, который течет из болота. Про жизнь свою рассказывает — как землемером работал, как жену свою встретил, как ему руку пилой отхватило и как жена умерла... Про нее он часто рассказывает.

— Если человек один, то, конечно, ему хочется с кем-нибудь поговорить.

Лолита останавливается, осматривается в поисках каких-то только одной ей видимых примет и снова идет дальше.

— Скоро выйдем на поляну, и я покажу тебе кое-что интересное, — говорит она.

— Мы не заблудились? Никакой дороги не видно.

— Мы давно сошли с нее. Так будет быстрее. Только под ноги смотри, чтобы на змею не наступить.

Впереди за елями видны яркие просветы, стали появляться березы, сосны и вскоре мы выходим на большую поляну, окруженную лесом.

— Еще не проголодался? — спрашивает Лолита, опускаясь на траву и доставая из корзины пирожки. — Давай еще по одному.

— Давай, — соглашаюсь я. — Уж очень они у тебя вкусные получились.

— На свежем воздухе все гораздо вкуснее. Иногда вечером я отрезаю кусок черного хлеба, мажу его творогом, солю и иду во двор к забору. Оттуда видны поле, лес и огоньки в соседних домах. А тут еще ветер принесет запах костра или травы. А я ем свой хлеб, и до того он мне кажется вкусным! Но я-то знаю, что дело не в хлебе, а в вечере, огоньках и тишине. И еще он вкусный потому, что я знаю: до конца я его есть не буду, а оставлю кусочек для нашего коня. Сказать, как его зовут?

— Как?

— Папа назвал его очень смешно — Перец.

Слушая Лолиту, я вижу ее в темноте у забора с куском хлеба в руке. Перед ней поле, темный лес и огоньки в домах. И словно очнувшись, я снова вижу озаренную солнцем поляну и Лолиту, сидящую рядом со мной. И еще я вижу, что она чему-то лукаво улыбается.

— А ты знаешь, почему на полянах не растут деревья? — спрашивает она, давая мне еще один пирожок.

— Никогда не думал об этом. Наверное, под землей есть что-то такое, что не нравятся деревьям. Может, какие-нибудь подземные ручьи... В общем, не знаю.

— Нет, не из-за этого. Слушай, что рассказал мне Однорук. Если ты видишь в лесу поляну, то это значит, что когда-то здесь жил человек. Он пришел в лес, срубил деревья и построил дом. И печь он тоже топил деревом, а значит, снова рубил деревья. Потом расчистил место для огорода, сада, и жил здесь этот человек всю свою жизнь. И он не только копал землю и сажал что-то, но и просто ходил здесь. И оттого, что он ходил, на земле образовался дерн, которого в лесу нет. В лесу мох, там совсем другая земля. И посмотри, вон там, в конце поляны, на земле видны продольные бугры. Они похожи на грядки. Так вот это грядки и были, и росла на них клубника.

Лолита сказала об этом с такой уверенностью, что я удивился:

— Почему ты думаешь, что там росла клубника?

— Когда в огороде сажают лук, морковь, картошку, да что угодно, то каждую весну землю заново перекапывают. Клубника же — многолетняя, и потому грядки сохраняются годами и десятилетиями. Клубнику обновляют, подсаживая отростки от усов, но сами грядки сохраняются. Поэтому я и уверена, что там росла клубника. И знаешь, оказывается, для того, чтобы поляна снова стала лесом, должно пройти восемьсот лет. Только за такое время почва меняется, и лес забывает, что деревья здесь рубят. У леса долгая память.

— Но я видел в лесах и совсем маленькие полянки.

— Когда-то они были большими, но прошло время, и они стали зарастать. А зарастают они с краев. Вот и становятся все меньше и меньше, пока не исчезают.

Мы сидим в тени деревьев и смотрим на залитую солнечным светом поляну. Две белые бабочки кружатся над цветами, в разогретой солнечным жаром траве монотонно стрекочут кузнечики. Но в лесу, окружающем поляну, стоит такая тишина, что звенит в ушах. Или действительно от леса идет этот странный звон?

— Знаешь, — говорю я, — это место напоминает мне одну книгу. Есть такой писатель Уильям Фолкнер, и у него есть повесть «Медведь». В самом начале повести отец с сыном подходят к точно такому же лесу. Деревья стоят перед ними темной, таинственной стеной. И чувствует мальчик, как в глубине леса таится грозная и темная сила — огромный медведь, нападающий на людей. Вот и этот лес сейчас точно такой же. И даже какой-то звон идет от него.

— Я тоже его слышу.

— Узнать бы, что это такое.

— А зачем узнавать? — посмотрела на меня Лолита. — Когда не знаешь, то это так интересно и таинственно!

— Но узнать ведь тоже ведь интересно.

— Мне кажется, что если не будет тайн, то жизнь станет скучной. Тайны раскрывать не надо.

— Ты так думаешь? — улыбнулся я.

— Да. Хочешь, докажу, что я права?

— Как ты докажешь?

— Просто скажу тебе, что это за звон.

— Скажи.

— Не пожалеешь?

— Нет, не пожалею. Мне интересно это узнать.

— Этот звук идет от лесопилки. Она за лесом. Мы как-нибудь туда ходим. Тебе будет интересно там порисовать. Там находится пилорама, вот оттуда идет этот звук. Ну вот, ты узнал, и разве от этого стало лучше? Нет, стало хуже. Весь твой Фолкнер, со всеми его тайнами, сразу же пропал. Теперь это просто лес и просто лесопилка с пилорамой.

— Да... Ты права, Лолита!

— Но хорошо, что есть вещи, которые не только никто не разгадает, но их никто и не заметит. А я это делаю так — останавливаюсь и смотрю на то, что у меня прямо перед глазами. Так однажды весной я остановилась и увидела ветку дерева. Дул ветер, и только что появившиеся листья трепетали, как крылышки у бабочек. И тут среди этой листвы я увидела сухой прошлогодний лист. Почерневший, сухой, скрюченный, он тоже трепетал на ветру вместе с молодой листвой... Ты чувствуешь?..

— Да, в этом что-то есть. Это все из той же Книги жизни, о которой мы говорили.

— Да! Тут все из нее.

— А сейчас ты можешь что-нибудь такое увидеть?

— Сейчас я вижу эти крохотные цветы в траве. Синие, желтые, белые... И я думаю: сколько же миллионов лет прошло до того момента, пока мы не появились здесь с тобой, и сколько миллионов лет пройдет потом, но сейчас мы сидим рядом с этими цветами и видим их. Мы с ними встретились. Никто на всей земле не знает, что они здесь растут! Например, вот этот синий цветок. Только мы с тобой знаем о нем... А ведь он тоже из Книги...

В это мгновение над поляной пронеслась какая-то птица, но я заметил не ее, а быструю тень, скользнувшую по моему лицу. Духота, запах травы, сухое потрескивание крылышек стрекоз и множество крохотных цветов в траве: синих, белых, желтых...

— А твои подруги? — спрашиваю я.

— Что подруги?

— Они тебя понимают?

— Я им ничего такого не рассказываю... Вот посмотри на эти цветы. Они не знают о нашем существовании, потому и кажется, что они равнодушны к нам. И деревья, и облака, и река не знают о нас, потому и кажутся равнодушным. А мы отличаемся от всего вокруг совсем не умом. Птицы, звери, муравьи, не говорю уже о дельфинах, не глупее нас с тобой. Мы отличаемся от всего вокруг нас тем, что можем любить и жалеть.

— Ну вот, ты и доказала...

— А ну их, все эти доказательства, — махнула Лолита рукой. — Не нужны они. Пусть в жизни будут тайны, иначе все превратится в лесопилку и пилораму... Ну, пойдем? А то мы засиделись.

После залитой солнечным светом поляны и безудержного стрекота кузнечиков сосновый лес кажется мрачным и безмолвным. Мы заходим все глубже в зеленый, насыщенный хвойным запахом сумрак, но вот деревья редуют, расступаются, и перед нами оказывается огромное пространство, заваленное упавшими деревьями. Через какие-то из них мы перелезаем, но многие деревья упираются в землю длинными, изогнутыми ветвями, и тогда приходится проходить под ними, словно сквозь гигантские арки.

— Такое может только присниться, — говорю я. — Здесь что, упал Тунгусский метеорит?

Лолита смеется и ничего мне не отвечает, хотя наверняка Однорук рассказал ей секрет этого удивительного места.

— Хочешь тут порисовать? — спрашивает она. — А то неизвестно, придем ли мы еще сюда.

— Да, сделаю набросок. Я быстро.

— Не спеши, а я посмотрю, нет ли тут ягод.

Лолита скрывается за стволами деревьев, и кажется мне, что я остался совсем один. Впереди за вздыбленными ветвями виден далекий лес. Вокруг тишина и запах земли, взрытой корнями упавших деревьев. По листу бумаги скользят пятна света и тени. Со стороны леса, темнеющего за древесным завалом, слышатся утробные возгласы лесного голубя.

Подходит Лолита и протягивает свою соломенную шляпку, на дне которой перекатываются ягоды брусники.

— Не так уж много я нашла, но попробуй, она вкусная...

— Это ветер повалил все эти деревья?

— Да. Знаешь, какие у нас осенью ураганы?

— Всегда удивлялся, — говорю я, делая последние штрихи на своем рисунке, — и как это птицы переживают все эти ураганы и грозы. Что они делают в самый разгар бури?

— Что делают... Сидят на ветках и держатся за них лапками.

— Но ведь ураганы валят деревья и ломают ветви. Как же ветер не сдувает птиц?

— Если уж они вцепились, то не оторвешь. С деревом вместе свалятся, но ветер их не сдует.

— Страшно представить: ночь, буря ревет, бушует да еще ливень, а они на ветках качаются...

— Тебе это страшно, потому что ты сам себя представил на этой ветке, — смеется Лолита. — А птицы, они такая же природа, как этот лес, ветер, дождь. Ты еще пожалей рыб зимой подо льдом. Однорук мне рассказывал, что ветер деревьям необходим. Он причесывает лес, смахивает труху и валит слабые, отжившие деревья. Это как у нас, когда мы причесываемся и в расческе остаются волосы. Ветер и есть такая расческа. Если бы мы перенеслись с тобой лет на сто вперед, то увидели бы здесь новый густой лес. Видишь, кругом уже растут маленькие деревца.

— Не хотелось бы мне переноситься на сто лет вперед. Разве что с тобой, да и то на часок, не больше. Побродить немного.

— Да, там все будет такое чужое. Мне хорошо в сегодняшнем дне, — и вскочив на ствол поваленного дерева, Лолита добавила: — Там, где я сейчас стою, — самое лучшее место на земле. И так всегда.

— Тогда ты счастливая. Обычно все ждут счастливого будущего.

— Будущего нет, всегда есть только настоящее. Вот громыхнут сейчас атомные бомбы, и где оно, твое будущее?..

— Я думал, что девочки, вроде тебя, о таких вещах не думают.

— Я иногда думаю об этом. Особенно когда домашнее задание делаю, задачу какую-нибудь решаю.

— А при чем здесь математика?

— Смотри... Иногда когда я делаю домашнее задание по математике, представляю, что в любое мгновение может начаться атомная война, в которой погибнет все человечество. Тишина и безмолвие наступят на всей планете. Так пройдут миллионы лет, и однажды на Земле снова появится разумная жизнь. Конечно же, как и мы, это новое человечество будет думать, что до них на нашей планете никого не было.

— Но при чем же здесь математика?

— А вот слушай дальше. Однажды они найдут странную окаменелость, похожую на раскрытую тетрадь (а это и будет та самая тетрадь, в которой я решаю пример). Станут эти будущие люди разглядывать ее, и покажется им, что видят они какие-то пятнышки, похожие на цифры. Но есть ли в этих пятнышках какой-то смысл? — будут они гадать. Вот я и стараюсь до того, как на земле взорвутся атомные бомбы, как можно дальше решить этот пример или задачу. Ведь чем дальше я продвинусь в решении, тем больше шансов, что в будущем поймут, что это не просто пятнышки, а в них есть смысл. А если есть, то значит, что на Земле была жизнь. Представляешь, какое это будет для них невероятное открытие?!

— Вот, оказывается, о чем ты думаешь, когда делаешь уроки!

— Да... Давай уже пойдем, а то небо хмурится. Там, куда мы идем, можно будет укрыться от дождя. Надо поспешить.

— Ох, Лолита, рассказать кому, что я от тебя слышу, так не поверят же.

Часто нам преграждают путь деревья, через которые не перелезешь, да и под ними проходить опасно, так как опираются они на одну подгнившую ветвь. Приходится такие деревья обходить, а это затрудняет наш путь, в то время как небо темнеет и слышны уже раскаты грома.

— Еще немного, — говорит Лолита, тяжело дыша, когда мы выходим к вересковым зарослям на опушке леса, который я видел издали. Когда снова вошли в лесной сумрак, еще более темный из-за грозовой тучи, услышали все нарастающий шорох, разнесшийся в вершинах деревьев, и через мгновение на нас обрушились потоки дождя.

Цепляясь за стволы деревьев, оскальзываясь на глинистой земле, спускаемся в лесную низину, на дне которой поблескивает поверхность лесной речки, и подбегаем к небольшому сараю с выдвинутым вперед навесом, подпертым двумя жердями.

— Фу-ф! — раскинув руки, Лолита падает на охапку сена в глубине сарая. — Давай сюда. Смотри, сколько сена мы с братом сюда натаскали. И это не просто сено, а сплошная мятая. Тут и котелок есть, и консервы неподалеку закопаны. Здесь, я тебе скажу, можно жить. Хочешь, когда-нибудь с ночевкой здесь останемся? Кстати, соль теперь тоже здесь оставлю.

Я стараюсь не смотреть на Лолиту, чтобы она не заметила досаду на моем лице и не догадалась о мыслях, что проносятся в моем сознании в тот момент, когда я стою под жалким подобием навеса, чувствуя, как течет за шиворот струйка воды и липнет к спине мокрая рубаха, обдуваемая сырым ветром.

— Смотри, что еще у нас тут есть, — говорит Лолита, вытягивая из-под сена потерянный плед. — Ты, наверное, думаешь, про себя — в какую же глушь я тебя затащила. Но подожди, вот закончится дождь, и сам увидишь, как здесь хорошо.

Но дождь припускает с новой силой, а поднявшийся ветер обдает нас водяной пылью.

— Так не согреемся, — говорит Лолита. — Давай опустим навес. Я подержу его, а ты убери столбы. Мы с братом это смастерили на тот случай, если дождь слишком сильный.

Навес опустился не до самой земли, а уперся в более низкие колья, оставляя в поле зрения часть берега.

— Видишь, как здорово тут все устроено! А знал бы ты, как хорошо тут ночью! Однажды сидим мы с братом у костра и слышим, как в траве вокруг нас что-то шуршит. Пригляделись и увидели в траве множество ежей. Их штук двадцать вокруг нас собралось. Непонятно, что их привлекло тогда. Может, на огонь пришли.

Лолита замолчала, и тут же возле нашего укрытия в траве послышалось тихое шуршание. Мы переглянулись.

— Это кто же здесь прячется? — послышался чуть хриловатый мужской голос.

— О!.. Дядя Олгертс! Это я! — обрадованно воскликнула Лолита. — Вернее, мы тут с Виталиком. Помните, я вам про него рассказывала?

— Да-да, помню...

В просвете между землей и навесом появились два мокрых резиновых сапога и край брезентового плаща, с которого стекают струи дождя.

— Ну, хорошо. Если что, Лолита, то я здесь рядом, в лесном домике.

— Дядя Олгертс, можно мы лодку возьмем? А завтра брат ее вернет. Он собирался здесь рыбу ловить

— Хорошо. Я цепь отстегну.

— Спасибо! — радостно взглянула на меня Лолита.

— Кто это? — спрашиваю я, когда шаги в траве стихают и слышен лишь монотонный шум дождя.

— Однорук. Кто же еще!

— Ну вот, только два сапога и увидел. Хотелось бы посмотреть, какой он.

— Совсем обычный. Если бы ты его встретил, то даже не обратил бы внимания... О!.. Слышишь, птицы запели! Давай навес поднимем, посмотрим, как там снаружи.

Подняв навес, мы видим пронизанную солнечными лучами, ниспадающую вокруг нас дождевую пыль, а за ней, словно за сверкающим занавесом, темнеет вода лесной реки, а за ней лесистый холм и огромный белый камень, наполовину погруженный в воду.

Лолита выбежала из нашего укрытия, скинула платье, сандалии и побежала к реке.

— Давай! — машет она из воды рукой. — Все равно уже мокрые.

«Ну что же, уж если и быть мокрым, то полностью», — думаю я, быстро раздеваюсь и вслед за Лолитой бросаюсь в теплую воду.

— Видишь вон тот камень? — показывает Лолита на противоположный берег, когда мы лежим на теплом песке, греясь на солнце. — Это мой друг. Если хочешь, можешь с ним подружиться. Камни — они живые.

Я не спрашиваю Лолиту, почему она считает камни живыми. Все, что она говорит, кажется мне правдой. Да это и есть правда, и прежде всего это правда о ней самой.

— Если я подружусь с этим камнем, то мне будет грустно уезжать от него, — говорю я Лолите. — А когда-то ведь придется.

— Ты всегда можешь закрыть глаза и увидеть его. Он никуда не денется, будет лежать здесь и ждать тебя хоть тысячу лет. Мне он очень помогает. Он мой учитель.

— Как он тебе помогает?

— Я учусь у него быть такой же терпеливой и невозмутимой. Он может научить и тебя. Просто что бы с тобой ни происходило, представляй себя этим камнем. Вот и все!.. Я учусь у него, но не всегда у меня получается быть такой же невозмутимой, — улыбнулась Лолита. — А вообще-то, учиться можно у всего: у леса, у облаков, у речки. Все живое.

— Жаль только, что у нас с тобой в жизни столько интересного будет за всю нашу жизнь, а камень этот так и будет лежать на одном месте. Из-за этого мне и деревья жаль.

— Мы с тобой тоже показались бы неподвижными существам, которые живут всего несколько секунд. А для камней мы как раз такие — односекундные существа. Один миг, и нас уже нет. А если бы ты, как в ускоренной съемке, увидел, что с этим камнем происходило за сотни миллионов, а может, и миллиардов лет, то ты бы очень удивился. Да он носился по всей земле, как мяч по футбольному полю. И сюда его принесли ледники. Тут много таких камней и в полях, и в лесах, но этот самый огромный.

— Лолита, ты, наверное, очень хорошо учишься в школе. Столько всего знаешь.

— Нет, я очень расстраиваю нашу учительницу, когда говорю то, что мне приходит в голову. Я не всегда могу сказать ей то, что хочется. И подругам тоже. А с Одноруком мне легко. С тобой и с камнем, тоже. Уж он-то, камень этот, знает всю правду. Знаешь, что мне сказал Однорук? Все, что мы с тобой знаем, чувствуем и в чем убеждены, все это, на самом деле, совсем не так. Мы не видим того, что есть на самом деле. Только иногда мы можем что-то почувствовать, когда остановимся где-нибудь в лесу, в поле или, как сейчас, у реки и приглядимся к чему-нибудь. Вот, — показала Лолита на реку, на лес и на камень на другом берегу, — вот это и есть настоящая правда.

Лолита перевернулась на спину и стала смотреть в небо.

— Интересный у тебя друг, — сказал я. — И все, что он говорит, интересно! Но все же непонятно. Он говорит, что все, что нам кажется и что мы чувствуем, на самом деле совсем не так. Но разве не правда, что здесь очень хорошо? И я это чувствую.

— Ты чувствуешь, что здесь хорошо?

— Да.

— Но ведь когда мы прибежали сюда, спасаясь от дождя, тебе здесь совсем не было хорошо. Я же видела это. Понимаешь, на самом деле здесь не хорошо и не плохо. Все хорошее и все плохое только в нас самих.

— Очень многие тебя бы не поняли.

— Зато те, которые мы, нас бы поняли.

— Послушай, а что же произошло, когда я проходил мимо того куста? Ты обещала рассказать.

— Как бы тебе объяснить... Как-то раз одна девочка спросила у меня совета — она не знала, как ей поступить. Я не знала, что ей посоветовать, и спросила у Однорука. Он посоветовал ничего ей не говорить, потому что каждый человек все равно поступает по-своему. Было поздно, я собиралась идти домой, а тут он мне говорит, что каждый человек и есть своя собственная судьба. Я не поняла его, и он объяснил, что каждый раз, когда мы что-то делаем, мы делаем это не потому, что так решили или послушались чьего-то совета, а потому, что подчиняемся силе, живущей в нас самих. Вот она-то, эта сила, и есть наша судьба. Никому не уйти от этой силы, а потому не уйти и от судьбы.

— А что же это за сила?

— Я тоже тогда не поняла этого. Как это может быть, что мной *что-то* управляет? Мне всегда казалось, что я сама собой управляю. Сама решаю, как поступить. А оказывается, во мне есть что-то такое, что мной управляет да еще и решает мою судьбу. В общем, не совсем я это поняла и пошла домой. А идти надо было через лес. Иду и вижу в темноте куст прямо посреди дорожки. И тропа в этом месте разделяется на две части, огибает с двух сторон куст и снова соединяется. Прошла я мимо куста и остановилась.

— Ух, Лолита, и умеешь же ты заинтриговать! И что было дальше?

— Я и раньше ходила по этой дорожке и много раз проходила мимо этого куста, но только теперь обратила внимание, что всегда, совершенно не задумываясь об этом, обходила куст с правой стороны. Ни разу я не пошла слева. Вот скажи: почему?

— Интересно!..

— Тогда я вернулась назад к тому месту, где дорожка расходилась. Передо мной были два пути, и ни один из них не был лучше другого. Обе дорожки как отражения в зеркале. Но я почему-то всегда выбирала правую сторону. И тогда я решила обойти куст слева. И вот иду я по левой дорожке и чувствую, что она мне чем-то не нравится. Как-то неуютно мне на ней. Не могу этого объяснить, но чужая она, не моя. Вот!.. Вот оно, то самое!.. Понимаешь?.. Что-то во мне, даже когда я не думаю об этом, подталкивает меня к какому-то пути. Не я ли сама это *что-то*?

— Фантастика какая-то! Но знаешь, тот твой случай можно было бы легко объяснить привычкой к правостороннему движению. Но это на дорогах, а тут лес, тропинка... И главное, я тот куст обошел слева...

— Да, ты пошел слева. Вот! Видишь?! — прошептала Лолита.

— Но что же нас ведет?

— А день, когда мы встретились... Помнишь, как все было?

— Конечно. Играл в карты с ребятами, проиграл, и мне дали задание найти подарок для одной девчонки. И еще сказали, что цветы не считаются — это слишком просто.

— И что ты сделал?

— Вышел из школы, где мы живем, и... пошел через поле.

— А почему через поле? Там же только цветы и есть. Перед тобой же было четыре стороны. Хочешь, иди на море, хочешь, в лес или к пруду, что у старой мельницы.

— Почему-то пошел через поле. Дошел до вашего хутора, решил нарисовать в блокноте речку, мостки с лодками.

— Решил, говоришь?

— Да. Понравилось мне это место.

— Понравилось? — все так же пытливо спросила Лолита. — А я в это время была на кухне, как раз закончила мыть посуду, посмотрела в окошко, и мне, тоже *понравилась* мысль пойти на речку. Не думала об этом еще минуту назад и вдруг *решила*. Вот так и оказались мы там с сестренкой. Сели под деревом, я читаю, она играет, а ты почему-то обратил на нас внимание? Почему?

— Потому что вы сидели точно так же, как описано в книге «Алиса в стране чудес». Прямо готовая иллюстрация.

— Ты заметил? Опять книга!.. Видишь, сколько тут всего намешано: и карты, и подарок, который ты пошел искать, и речка, которая тебе понравилась, и книга... Множество мелочей, а в результате мы загораем сейчас здесь на солнышке.

— Значит, это были удачные мелочи.

— Лучше и не думать о них, а то жить тогда трудно. Давай будем смотреть на лес, — говорит Лолита, переворачиваясь на бок. — И ни о чем не будем думать. И если нам это удастся, то на одно мгновение мы почувствуем настоящую правду. Увидим все таким, какое оно есть на самом деле. А потом каждый расскажет, что он почувствовал.

Теплый ветер овеивает лицо, я слышу дыхание Лолиты, стук дятла в лесу. Ощущаю тепло солнечных лучей, запах камыша, и все это вдруг становится единым целым, и в это мгновение у меня перехватывает дыхание то ли от какой-то радостной мысли, то ли от предчувствия чего-то очень хорошего. Я даже в какое-то мгновение понимал, в чем заключается это *хорошее*, но длилось это всего лишь миг и тут же бесследно забылось. Но я теперь знал, что если бы смог вспомнить то, мгновенно пронесшееся в моем сознании, то где бы я ни был и что бы со мной ни происходило, я смог бы снова испытать невероятное чувство счастья.

— Ты почувствовал? — шепчет рядом со мной Лолита.

— Да.

— Я тоже.

— Только не могу вспомнить, что это было.

— И я. Да и не надо. Главное, что мы знаем, — и тут же, перевернувшись и загребая мелкую гальку, она говорит: — Смотри, как тут много плоских камешков. Ими можно пулять по воде так, что будут подскакивать. Давай перекусим, и я покажу, как здорово это у меня получается.

Расстелив на траве плед, Лолита достает из корзины пирожки, кусок сыра, ветчину, помидоры и миску, полную клубники.

— Потом можно будет набрать воды из родника, — говорит Лолита. — Он тут неподалеку.

— Здесь можно рисовать и рисовать, — заметил я, беря кусочек ветчины и рассматривая противоположный берег.

— Видишь, на том берегу лес поднимается на холм? Он называется «Кукушка». Правда, кукушек я здесь никогда не слышала. Наверное, в древности, когда человек давал название холму, он услышал голос кукушки. Название он дал, а кукушек тут с тех пор больше и не было. Это то, о чем Однорук и говорит: все совсем не так, как кажется.

— Прав твой Однорук.

— Еще как!.. Одному нашему соседу подарили крохотного щенка, так он назвал его Малыш. А теперь этот Малыш превратился в такого огромного и злобного пса, что сам сосед его боится, держит на цепи и с опаской к нему приближается. Вот тебе и Малыш! Смешно ведь! А еще один наш сосед назвал свою собаку Викинг. Мечтал, что она будет охранять его двор. Так этого Викинга через несколько дней украли.

— Ты прямо как Швейк! Сыплешь историями на любую тему.

— Я много чего могу рассказать. На любую тему, какую ни назовешь.

— Давай проверим? — говорю я.

— Ну, проверь.

— Да хоть про этот пирожок... Что ты можешь о нем рассказать?

— Про пирожок?.. Тогда слушай. Решила я испечь пирожки, вот эти самые, что ты ешь. А картошку мы храним в подполе, в большом сарае, что в углу нашего двора. И вот иду я через двор с корзиной, солнце светит, душно, птица какая-то неизвестным мне голосом поет, цветами пахнет так, что голова кружится. Мы ведь на заднем дворе траву не скашиваем, и у нас там поля-луга. Стрекозы кружатся, крылышками пощелкивают. В какой-нибудь книжке было бы написано, что на душе у меня было легко и радостно. Но на самом деле очень часто в такие солнечные дни мне становится немного грустно. Я не знаю почему.

Лолита замолчала, склонив голову, словно пытаюсь понять, почему ей грустно в солнечные дни.

— Может, тебя мысли какие-нибудь огорчают? — предположил я.

— Нет, никаких грустных мыслей у меня не было. Но видишь, в такие солнечные дни мне кажется, что я делаю что-то не то. И быть мне надо где-то совсем в другом месте,

а не там, где я есть. Но так бывает не всегда. Сейчас, например, мне совсем не грустно... Так вот, иду я через двор и чувствую, что на душе почему-то стало легко и радостно. С чего бы это? — думаю я. Все точно такое же, ничего не изменилось. И тут я поняла, в чем дело. Вдали прогремел гром, и я увидела, как из-за леса быстро надвигается темная туча. Тут уже не только дождем пахнет, а целой бурей.

— Я помню, какой вчера был дождь. Я и выйти не мог, на кровати рисунки дорабатывал. Еще подумал: что ты сейчас делаешь?..

— А я как раз к нашему сарайчику подходила, видела, что буря приближается. Ветер поднялся, и на душе у меня стало хорошо! Я очень люблю бури! И летние, и осенние, любые. И ночь очень люблю... Так вот, спустилась я в подпол, стала картошку в корзину укладывать и думала уже наверх подниматься, как тут все и началось. Я дверь в сарай открытой оставила, чтобы света было больше, а ее так хлопнуло ветром, что наружная задвижка, она на гвозде крутится, от удара повернулась, и я оказалась запертой.

— Ну и приключения у тебя из-за этих пирожков!

— Долго я искала хоть какую-нибудь щепку, но сама же перед этим сарай вымела до чиста. Наконец вспомнила, что в стену гвоздь вбит, — раскочакала его и вытащила. Просунула я гвоздь в щель, хорошо, что дверь неплотно подходит, и отвернула задвижку. А за дверью!.. Ну, ты и сам помнишь, что вчера было. Кусты жасмина и смородины прямо на земле лежали от ветра. И дождь как потоп! Красотища, одним словом!.. Но только понимала я, что закончится это не скоро. И перебежать не получится — сразу буду мокрая насквозь. И решила я махнуть рукой на бурю и спокойно пошла к дому. Тут же я как будто с головой в воде оказалась. Ты не представляешь, как это здорово, когда не надо прятаться, бежать, а просто идешь себе, как будто в море плывешь, да и картошка в корзине моется. Пару раз, правда, я свалилась от ветра. Дошла я до нашего колодца и вспомнила, что под доской есть мыло хозяйственное. Замечательно! — думаю я. Намылила я мылом голову и так славно под дождем волосы помыла! Посмотри, какие пушистые. Вот так я и начала эти пирожки готовить.

— Ох, Лолита, пирожки у тебя невероятно вкусные! Да и рассказчица ты замечательная!

— Ну уж и рассказчица!.. Ладно, я схожу к роднику, наберу воды, а ты, если хочешь, порисуй. Кто знает, когда еще сюда придем.

Солнце так припекает, что я решил устроиться в тени, под навесом. Передо мной песчаный берег и река, отражающая лес и небо. Отражение белого камня на другом берегу рассекают голубые полосы мелкой ряби. Сосны за рекой поднимаются на крутой холм, и я думаю: интересно, что за этим холмом? Что видно с его высоты?

Я нарисовал лес, реку, и даже отражение в воде удалось передать очень точно, но как жаль, что нельзя вместить в картину ту непередаваемую атмосферу, дух места, что, в общем-то, и является главным.

— Хорошо у тебя получилось, — сказала Лолита, усаживаясь рядом со мной и поставив рядом небольшой котелок с водой.

— Вроде неплохо. Но все равно есть вещи, которые передать нельзя.

По листу бумаги, на которой я рисую, бегают муравьи, вокруг нас колышется от ветра высокая трава. Я замечаю в ее изумрудной глубине какой-то светлый шарик на длинных ножках, но пробегает он так быстро, что я не успеваю его рассмотреть.

— Может, когда-нибудь тебе удастся передать то, что передать нельзя, — ободряет меня Лолита.

— От нас сейчас этого и не требуют. Нам нужно изучать то, что мы видим вокруг себя — свет, тень, учиться передавать фактуру предметов, материальность, то есть чтобы камень на рисунке был камнем, вода — водой, туман — туманом... Но однажды мой приятель попытался передать невыразимое, и ему за это вlepили двойку.

— Как это?

— Он нашел за школой пруд...

— Это не пруд, — прервала меня Лолита, — там когда-то песок брали, а потом все поросло камышом, и теперь там лягушки квакают.

— Вот в них-то все дело... Так вот, сделал мой приятель этюд с натуры и показал его на предварительном смотре. Наш преподаватель, профессор живописи, остановился перед работой, посмотрел на нее и спрашивает: «А что это у тебя в камышах за черные треугольники?» А приятель мой отвечает: «Это, профессор, лягушки квакают». Ну и получил двойку. «Практика тебе для того дается, чтобы ты учился рисовать и изучать природу. А фокусничать потом будешь», — сказал преподаватель.

— Да, — задумчиво покачала головой Лолита, — кваканье, конечно, не нарисуешь.

— Вот и получается, что не все можно передать цветом и линией.

— А те, кто пишут книги, они все могут передать?

— Думаю, что литература может передать больше, чем другие виды искусства. Вот я сейчас рисовал на листе бумаги. А картина, которую создает писатель, возникает в воображении человека. Писатель там создает свою картину. И если ему удастся это, то читатель забывает о словах, буквах, запятых и начинает видеть живой, реальный мир. Но еще с большей силой невыразимое могут передать поэты. В общем-то, это и есть цель поэзии — передать невыразимое. Есть замечательный поэт — Владимир Соколов. Он об этом вот так пишет, послушай...

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева.

Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохнула жизни глубина.

Лолита смотрит на реку и молчит. По ее лицу движутся пятнышки света, пробившиеся сквозь соломку ее шляпки.

— Да, — говорит она, — такое мало кто может. Если бы и вправду можно было открыть зимой книгу и из нее пахнуло бы летним ветром, запахом травы...

— Такая книга есть, и я уже говорил тебе о ней. Это «Степь» Чехова. Я всегда ее перечитываю, и особенно зимой. А когда зимой болею, простужаюсь, эта книга меня вылечивает.

— Я спрошу ее в нашей школьной библиотеке.

— Такая книга там обязательно должна быть.

— А ты не хотел бы когда-нибудь тоже написать рассказ?

— Нет, конечно.

— Почему нет?

— Литература... это же искусство.

— Ну и что?

— Ты не понимаешь. Смотри... До того как я поступил в в художественную школу, я несколько лет ходил на курсы рисования. Потом семь лет учился в художественной школе. После этого снова подготовительные курсы в Академии художеств. Я поступил, и теперь мне предстоит еще шесть лет учебы в академии. Семнадцать лет! Ты понимаешь, сколько надо учиться, чтобы начать становиться художником? А литература... Это значит все начать с нуля!..

— Ты так думаешь?

— Да. Если бы я решил начать писать, то мне нужно было бы снова пройти всю ту же самую школу.

— Мне кажется, что писать легче, чем рисовать.

— Ты знаешь, многие считают, что и рисовать очень легко. Плюнул, растер и назвал современным искусством. Нет, все то, что легонько, это не живопись и не литература.

— Конечно, это нелегко. Но почему ты думаешь, что надо все начинать сначала? Ведь то, чему ты сейчас учишься, это же тоже... О!.. Смотри, мальчишки пришли! Я их знаю. Когда-то я дралась с ними, но теперь мы дружим. Я пойду с ними купаться.

— Давай. А я поднимусь на «Кукушку», — показал я на противоположный берег. — Посмотрю, что там сверху видно.

— Далеко не уходи, заблудишься. Там начинается большой лес. А перейти на ту сторону можно вон там, чуть дальше, по берегу. Там мелко, но камни очень скользкие.

Лолита забежала в воду и поплыла к камню, на котором сидели пришедшие на речку мальчишки. А я встал и пошел вдоль берега.

Эхо птичьего пения вибрирует над водой, между стенами неподвижного леса. Кое-где отражение неба и деревьев в воде рассекают плавники рыб. Я вижу, как впереди река сворачивает влево, образуя на противоположном берегу широкую пойму. Несколько коров стоят в воде, не обращая внимания на рыжую собачку, с лаем бегающую по мелководью и разбивающую отражения коров на зеркальной поверхности воды.

Наверное, их привели сюда мальчишки, думаю я и действительно замечаю еще одного мальчика, который не пошел купаться, а остался стеречь коров, сидя с хворостинной в тени ивы. Собачка подбежала к нему и улеглась у его ног.

Я оглянулся назад. Белый камень вдали ослепительно сияет на солнце, отчего загорелые дети на его фоне кажутся темными, маленькими чертенятами. Но они уже так далеко, что я не могу среди них разглядеть Лолиту.

По поросшим тиной камням перехожу на другую сторону реки, где за полосой песчаного берега начинается подъем на крутой лесной склон. Хватаясь за корни, выступающие из земли, я поднимаюсь на самый верх холма и оттуда, с высоты, вижу лес, тянущийся до самого горизонта.

Я решил остановиться здесь и сделать быстрый набросок. Достал из сумки альбом с листами бумаги, коробку пастели и хотел уже начать работу, но еще раз посмотрел на пологий склон перед собой. Узкие тропинки сбегают вниз и, сплетаясь друг с другом, манят спуститься вниз. И я не могу не поддаться искушению.

Спустившись по тропинке, я вхожу в лес и, стоя среди высоких папоротников, прислушиваюсь к тихому шуму сосен. Из глубины леса веет теплом, запахом хвои и мха. В гулком пространстве, наполненном птичьим пением, среди косых лучей солнца, в которых роится золотая мошкара, мне кажется, что я стою среди останков реликтового храма, а над замшелыми колоннами, давно уже ставшими деревьями, я вижу голубое небо — все, что осталось нам от Рая.

Стоя среди папоротников, я ощущаю пространство вокруг себя — «Кукушку», поросшую лесом, белый камень, с которого прыгают в воду дети, долину поваленных деревьев, поляну, на которой жили когда-то люди. Я вижу широкую реку и старую пристань, с которой дети ловят клеек бамбуковыми удочками. И еще я вижу тропинку среди речных трав, по которой шли мы с Лолитой утром.

Я вижу, как веер солнечных лучей касается стволов деревьев, и думаю, что по лицу Лолиты сейчас тоже скользят блики солнечного света. Вспомнил о котелке с родниковой водой, оставленном у нашего укрытия, и тут же почувствовал, что лес смотрит на меня, но смотрит не как человек, а как нечто воплощающее настоящую правду. Вот она — правда, прямо перед моими глазами, простая, как замшелые стволы деревьев, ясная, как густой запах прелой коры и земли.

И правда эта еще и в том, что если бы не было меня на земле, то точно так же гудел бы сейчас шмель, вылезший из чашечки цветка, шумели бы вершины деревьев и горела искоркой капелька дождя на кончике папоротникового листа.

И тут, словно очнувшись, я увидел за папоротниками маленький пруд, который не замечал до этого. Словно круглое зеркало, он лежал среди леса, отражая деревья и просветы голубого неба среди ветвей.

Устроившись на стволе дерева, поваленного ветром, я начал рисовать. За спиной, в кустах орешника, слышится тихий щебет птиц, которых я никак не могу разглядеть среди густой листвы. Тишина, неподвижные кувшинки на темной воде, среди золотистых и оранжевых солнечных бликов скользят по воде жучки-плавунцы. Берег пруда круто обрывается у воды, делая видимыми сплетения корней и глубокие норы. Вода неподвижна и темна.

Пока свет не ушел, я набросал на листе бумаги зелень деревьев, стараясь передать все ее оттенки, перенося эти же тона и на отражение в воде. А потом, взяв голубовато-зеленый мелок пастели, провел широкую полосу по отражению, что дало ощущение зеркальной поверхности воды. Сейчас этого не было передо мной, но я запомнил эту голубую полосу на отражении в воде белого камня.

Глядя на свою работу, я вижу, что вода получилась и удалась блики от лучей предзакатного солнца, но по-прежнему что-то ускользнуло. Нет тишины на моем рисунке, и нет ощущения тихой радости, которую я испытываю, сидя здесь. А может, права Лолита, и эта радость не имеет никакого отношения к тому, что я вижу перед собой? Может, таится она во мне самом и ожила сейчас от мысли о множестве летних дней, что ждут меня впереди? И все же как передать тишину? Как передать слепящую яркость солнечных лучей, пробивающихся сквозь ветви орешника? Как передать вечернее тепло и чувство одиночества, не только своего, но и одиночества деревьев, окружающих меня. Ведь в течение всей моей жизни они будут стоять у лесного пруда, и разве что ветер приведет их в движение. Но снова я не прав, и нет здесь никакого одиночества. Я принес его сюда сам, и живет оно только во мне самом.

Как-то я слышал, что странствующий глупец лучше сидящего на одном месте мудреца. Мне сейчас кажется, что все наоборот. Мудрец, сидя на одном месте, узнает больше, чем странствующий глупец. Все с самого начала было перед нами. Вся суть бытия никогда от нас не утаивалась, и мы можем увидеть ее всюду, куда только ни посмотрим. Не об этом ли говорил поэт древности Исса:

Видели все на свете
Мои глаза — и вернулись
к вам, белые хризантемы.

Возможно, и сейчас, прямо здесь, перед моими глазами, раскрыто все самое главное о жизни. Не захочется ли мне когда-нибудь вернуться к этому пруду?

Я смотрю на свой рисунок, на пруд и чувствую, что бабочка, порхающая над водой, птица, пение которой я только сейчас услышал, березовый листок на поверхности воды, шелест в вершинах деревьев — все это и создает то настроение, которое так сложно передать кистью и цветом...

Лолита права и в том, что все, что вижу вокруг себя, соединилось в одной точке времени и пространства. И как нелепо, что слово — современник, мы говорим только по отношению к человеку. Но разве та птица на ветке не мой современник, если мы встретились с ней? На огромной планете, среди непостижимого океана времени и пространства, мы оказались рядом у маленького лесного пруда. Целую вечность нас не было, ни этой птицы, ни меня, и целую вечность нас не будет потом, но в этот миг мы рядом.

И я знаю, что черная бусинка птичьего глаза тоже видит меня, чувствует мое присутствие, наблюдает за мной.

Как передать все это? Как передать самое главное? Может быть, великие писатели, те, которые замолчали, оставили творчество, сделали это, отчаявшись передать невыразимое, открывшееся им, и без чего все остальное — бессмысленная и пустая игра?

Уложив свою работу в этюдник, я поднялся и побрел среди папоротников назад, видя впереди за стволами деревьев крутой подъем на «Кукушку».

Еще издали, идя к нашему укрытию, я вижу Лолиту, сидящую под навесом. Рисунок, сделанный у лесного пруда, ей понравился.

— Я и не знала, что на том пруду так красиво, хотя и была там.

— Вот она — сила искусства! — сказал я полушутливо.

— А родниковую воду ты так и не попробовал.

— Как раз сейчас хочу попробовать. Давно хочется пить.

— Теперь она теплая и не такая вкусная.

— Ну что, Лолита, пора идти назад.

— Мы не пойдем, а поплывем. Ты же слышал, что Однорук разрешил взять лодку. Так мы доберемся прямо до моего дома.

— Здесь так хорошо, что и уходить не хочется, — сказал я, глядя на «Кукушку» и розовые облака на вечернем небе.

— Так побудь еще, а я пока малину соберу. Потом приходи вон туда за камыши, увидишь там лодку, — показала Лолита рукой вдоль по течению реки.

Она выплеснула воду из котелка, пошла с ним вдоль берега и вскоре скрылась за камышами.

Мальчишек на том берегу уже не было. Вечерний свет разлился над рекой. Искры на поверхности воды были уже не серебристые, как днем, а золотые, и белый камень стал оранжево-розовым. Птицы перекликаются с противоположных берегов реки. Звуки их пения порхают над рекой. Деревья на «Кукушке» стоят неподвижные, темные.

Пройдя вдоль протоки, я вижу Лолиту у покосившегося мостка. Видимо, передние колышки подгнили, обломались, и доски мостка постепенно уходят в воду. Лолита стоит против солнца. Шляпку она скинула на спину, и закатное солнце очерчивает ее рыжие волосы золотым, дымчатым контуром. Конечно, она слышит звуки моих шагов, но не оглядывается. Однако я замечаю, как округлилась ее щека от улыбки. Наконец она обернулась, подняла котелок, наполненный малиной, и кивнула на лодку, привязанную к одному из деревянных столбов.

— Надо плыть, а то скоро стемнеет, — говорит она. — Я тебе, по пути, покажу остров «Карины».

— Что это за остров?

— Увидишь, — ответила она, ловко спрыгивая с мостка в лодку.

Я стараюсь грести тихо, не шлепая веслами по воде, хотя можно и не грести: течение реки само несет нас вперед. У самого борта сверкнули в воздухе несколько мальков, а потом еще и еще... И вдруг вся поверхность реки вокруг нас заискрилась от выпрыгивающих из воды мальков. Казалось, что вода кипит, вспыхивая искрами, окрашенными светом заката.

— Вот бы такое нарисовать! — говорит Лолита.

— Сегодня вряд ли что-нибудь еще нарисую. А кто такая Карина? И что это за остров? — спрашиваю я.

— Карина была моей подругой, — говорит Лолита, зачерпывая ладонью воду за бортом лодки. — Какая она теплая!

— Почему была?

— Это случилось, когда она венчалась с Дайнисом. Это один парень тут... Когда они выходили с цветами из церкви, прямо на ступеньках ей на голову упал с крыши кусок черепицы...

Я перестал грести, и теперь лодка не спеша плывет к маленькому островку, показавшемуся за поворотом реки.

— Как это ужасно!

— Потом сказали, что она умерла мгновенно. Карина выходила из церкви такая счастливая! Она даже не поняла, что случилось, и навсегда осталась счастливой...

— А когда это было?

— Пршлым летом. Я, помню, встретила Дайниса в магазине. Мне кажется, лицо его потемнело. Он стоял у кассы и купил только одну вещь — светильник, в который ставят свечку... А вот и остров. Видишь, он совсем маленький. Карина с Дайнисом часто туда плавали. Там растет большой куст калины. Дайнис сделал под ним скамейку, чтобы ее душа туда приходила. Я иногда бываю на острове и подхожу к скамейке, но не сажусь. Это для нее.

Солнце скрылось за лесом, и подувший ветер рассек отражение острова полосой голубой ряби, совсем как на моем этюде у пруда.

— Бабушка Карины сшила для нее очень красивое свадебное одеяло, — после небольшого молчания говорит Лолита. — Этим одеялом Карину накрыли, когда хоронили.

— А какая она была? — спросил я, но зря это сделал, потому что Лолита тут же отвернулась от меня и вытерла локтем глаза.

— Здесь такая тишина, — сказала она, продолжая сидеть спиной ко мне. — Когда останавливаешься на середине реки, тихо вокруг и лодка почти не движется, кажется, что времени нет и наступила вечность.

Стало быстро темнеть, и я приналег на весла, решив ни о чем больше не спрашивать Лолиту, не огорчать ее.

— Иногда мне кажется, что Карина очень близко. Я и сейчас ее чувствую. Хорошо, что мы вспомнили о моей подруге. Она всегда меня понимала, хотя и улыбалась, когда я ей что-нибудь рассказывала... Посмотри, какое облако появилось в небе! Его там, кажется, не было. Правда, оно похоже на белый венок?

В этом месте река сузилась, и наша лодка оказалась очень близко к острову. Мыплыли под ветвями деревьев, нависающими над нашими головами, и видели скамейку, одиноко стоящую на берегу. Так странно было видеть ее в сгущающихся сумерках на пустынном острове. И в этот миг я подумал: а вдруг и вправду она из своего мира видит нас сейчас, проплывающих мимо острова?

И только я подумал об этом, как Лолита махнула рукой одиноко стоящей скамейке. А лодку нашу течение реки понесло дальше, под дымчатой россыпью Млечного Пути.